

Мисаки открыла дверь и вошла в дом. Обито, услышав шум, поднял голову. Увидев измученное выражение лица матери, он снова ощутил укол в сердце.

— Мам, ты вернулась. — Обито подошёл к Мисаки и заботливо убрал её зонт. Будучи внимательным, он заметил, что мать выглядит ещё более печальной и измождённой, чем когда уходила.

— Обито, прости, что мама не смогла защитить тебя от дождя. — С чувством вины сказала Мисаки, опуская взгляд на промокшую одежду.

Обито покачал головой, взял Мисаки за руку и повёл в дом. — Ничего, мам. Пойдём, погреемся вместе.

Мисаки послушно последовала за сыном в гостиную. Обито достал из камина горящее полено, и его тепло немного разогнало холод.

— Какой же ты у меня заботливый. — Мисаки с облегчением посмотрела на Обито, наконец-то слабо улыбнувшись. Она сняла пальто, собираясь принять ванну и переодеться в чистое.

Обито смотрел на стройный силуэт матери, и его взгляд невольно упал на её полную грудь.

Чёрное траурное платье плотно облегалo кожу, подчёркивая прекрасные формы Мисаки.

Особенно тяжёлые большие груди, которые мягко покачивались при каждом движении, будто вот-вот вырвутся из оков одежды.

— Что случилось, Обито? — Мисаки заметила взгляд сына и, обернувшись, спросила.

Обито поспешно покачал головой, но взгляд его всё ещё был прикован к двум высоким холмам. Почему-то он чувствовал, как его дыхание становится прерывистым, а сердцебиение учащается.

Мисаки не придавала этому значения, лишь нежно прижала Обито к себе.

Она наклонила голову, и её губы коснулись лба Обито.

Обито поднял голову, и его нос нечаянно скользнул по подбородку Мисаки, вдыхая её лёгкий аромат.

В этот момент Обито почувствовал, как что-то внутри него пробуждается.

Он бессознательно обхватил Мисаки за тонкую талию, почти прильнув к ней всем телом.

Грудью он прижимался к мягкой большой груди, вызывая странное ощущение.

Мисаки заметила необычное состояние сына и с тревогой спросила:

— Обито, тебе нехорошо?

Обито поспешно отпустил руки и, покраснев, покачал головой. — Н-ничего, мам. — Он опустил голову, не решаясь смотреть Мисаки в глаза.

Мисаки, улыбнувшись, взъерошила ему волосы:

— Глупыш, ты скучаешь по отцу? — С этими словами она взяла Обито за руку и повела к портрету Ёдзуки, стоявшему в углу гостиной.

Когда они почти дошли, Обито случайно увидел фотографию отца. В тот же миг его сокровенное желание наполовину угасло. Он остановился, на лице его заиграла смена чувств.

— Что такое, Обито? — Мисаки с недоумением посмотрела на сына.

Обито покачал головой, выдавив улыбку:

— Ничего, мам. Мы... мы можем продолжать.

Мисаки кивнула и подвела Обито к алтарю Ёдзуки. Она поправила одежду и почтительно поклонилась.

— Ёдзуки, мы с Обито очень скучаем по тебе. — Тихо произнесла Мисаки, на глазах у неё выступили слёзы.

Обито стоял рядом, молча наблюдая за действиями матери.

Его взгляд снова случайно упал на Мисаки.

На этот раз он заметил, что у матери тоже очень пышные и упругие ягодицы, чёрное траурное платье плотно обтягивало эти два округлых холма, полностью очерчивая их форму.

Обито почувствовал, что дыхание снова становится частым, а стук сердца отдаётся эхом в ушах. Он понимал, что такие мысли неправильны, но тело непослушно сделало несколько шагов вперёд.

Мисаки всё ещё была поглощена своими излияниями и совсем не замечала действий сына. Пока ладонь Обито мягко не легла на её ягодицу, она внезапно опомнилась.

— Ай! — Мисаки от испуга чуть не подскочила, резко обернувшись и с недоверием глядя на Обито.

— Обито! Ты... что ты делаешь?

Обито поспешно отдернул руку, растерянно глядя на мать. — П-прости... мам. Я... я просто хотел проверить, мягко ли тут.

Такое объяснение явно не убедило Мисаки. Она нахмурилась, и в голосе появилась строгость:

— Обито, ты понимаешь, что ты делаешь?

Обито опустил голову, не смея встретиться с матерью взглядом:

— П-понимаю...

Мисаки глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

Она присела на корточки, глядя сыну прямо в глаза:

— Обито, это не то, что должно быть между нами. Мы мать и сын, мы не можем делать такие вещи.

Обито поднял голову, в глазах его была и вина, и обида:

— Но... но ты ведь правда красивая... и, и раньше я тоже трогал...

Услышав это, Мисаки застыла.

Она никак не ожидала, что сын вспомнит тот случай.

Воспоминания о том, как во время кормления Обито грудью он трогал её, мгновенно нахлынули, и щёки Мисаки невольно покрылись румянцем.

— Э-это... это было, когда мама кормила тебя грудью... ситуация совсем другая... — Запинаясь, проговорила Мисаки, пытаясь найти оправдание своему поступку.

Но Обито, набравшись смелости, возразил:

— Но я читал в книжках, что многие мальчики любят женскую грудь... и... и у мамы грудь действительно приятно трогать... такая мягкая и гладкая...

Мисаки онемела, не зная, что ответить.

Она смотрела в наивные, но с ноткой жадности глаза сына, и в душе её смешались разные чувства.

С одной стороны, она радовалась взрослению сына; с другой – боялась, что это повлияет на его будущее.

— Ладно, Обито. На этом всё. — Мисаки встала, и тон её смягчился. — Мы должны уважать отца и не делать того, что было бы неправильно по отношению к нему.

Обито разочарованно опустил голову, но послушно кивнул.

Мисаки вздохнула и, протянув руку, погладила сына по голове.

В этот момент она вдруг почувствовала влажность внизу живота – такого электризирующего удовольствия она не испытывала уже несколько месяцев.

Обито поднял голову, в глазах мелькнула надежда:

— Правда? Мама больше не сердится?

Мисаки сделала серьёзное лицо и кивнула:

— На этот раз прощаю, но в следующий раз так делать нельзя. — Несмотря на слова, внутри неё бушевала борьба.

С одной стороны, она боялась, что это плохо повлияет на Обито; с другой – давно забытое удовольствие не давало ей покоя.

Услышав согласие матери, Обито радостно запрыгал. Он обнял Мисаки, уткнувшись лицом в её пышную грудь. — Мамочка – самая лучшая! — Радостно сказал он.

Мисаки почувствовала тепло и силу у груди, и по телу разлилась приятная дрожь. Она легонько оттолкнула сына, делая вид, что сердится:

— Прекрати! Отпусти!

Но Обито, наоборот, усилил натиск. Он надавил ладонями на выпуклости груди Мисаки и начал мять их прямо через одежду. — Мама же только что сказала, что можно... — пробормотал он.

Мисаки, чувствуя давление на грудь, ощутила, как из и без того влажного лона вытекла ещё одна струйка сока. Она закусила губу, сдерживая рвущийся наружу крик:

— Не... не здесь... пойдём в комнату...

Услышав это, Обито тут же прекратил. С любопытством ребёнка он спросил:

— А в комнате что будем делать?

Мисаки покраснела, ей было неловко говорить. Наконец, запинаясь, она произнесла:

— П-пойдём... в комнату... мама расскажет тебе немного... о физиологии...

Обито, словно поняв, кивнул и, схватив мать за руку, побежал в спальню.

Мисаки последовала за ним, сердце её бешено колотилось.

Она не знала, правильно ли поступает, но давно забытое удовольствие и материнский инстинкт заставили её рискнуть.

Оказавшись в спальне, Обито нетерпеливо плюхнулся на кровать.

Мисаки глубоко вздохнула и медленно расстегнула пуговицы на одежде.

Когда верхняя часть одежды соскользнула, гордая грудь предстала перед сыном во всей красе.

Обито вытаращил глаза, глядя на материнскую грудь, и возбуждённо протянул руки к этим двум вершинам. — Какая мягкая, мама! — Искренне восхитился он, непослушными пальцами дразня нежно-розовые соски.

Мисаки, таявшая от его прикосновений, могла лишь бессильно опереться на сына. Она взяла Обито за руку и дрожащим голосом сказала:

— Обито... полегче... не так сильно...

Обито послушно ослабил нажим, но пальцы продолжали блуждать по упругим плодам.

Мисаки закрыла глаза, наслаждаясь ласками сына.

Вдруг она почувствовала, как что-то упёрлось ей в ягодицу.

— Ах... Обито... ты... — Мисаки удивлённо открыла глаза и увидела, что пах сына сильно вздулся.

Обито беспокойно заёрзал, тряся своим маленьким дружком о материнскую ягодицу через ткань брюк:

— Мам... мне... мне немного не по себе...

Мисаки почувствовала, как жар ударил в голову, и поняла, что если так продолжится, она потеряет контроль. Но глубоко внутри голос взывал к желанию. В конце концов, она выбрала компромисс.

— Обито, ложись. — Мисаки похлопала сына по плечу, и когда он послушно лёг, села рядом на колени.

Она осторожно расстегнула ширинку Обито, и оттуда тут же выскочил нежный, но толстый член.

— Ого, какой большой! — Восхищённо воскликнула Мисаки, дотрагиваясь пальцем до милой головки. Обито тут же вздрогнул, издав горлом сладострастный стон.

— Мама... мама... — Обито смотрел на прекрасное лицо Мисаки, жажда большего утешения.

Мисаки помедлила, но в конце концов решила отступить. Она высунула кончик языка и слегка лизнула розовую головку сына. — М-м... странный вкус... — прокомментировала она.

Обито вздрогнул всем телом, ноги его невольно сжали голову матери. — Ах... мама... как приятно... — Запрокинув голову, он наслаждался этим невиданным доселе удовольствием.

Видя такую реакцию сына, Мисаки успокоилась. Она открыла рот и медленно взяла весь член в рот. Жгучее прикосновение невольно напомнило ей о временах близости с мужем.

Обито, глядя на хлопчущую у его паха мать, почувствовал странное чувство превосходства.

Он невольно вспомнил отца Ёдзуки, того глупого мужчину.

В этот миг ему вдруг показалось, что именно он по-настоящему понимает мать.

— Мама... глубже... — Обито гладил длинные волосы Мисаки и, бессознательно прижав её затылок, направил голову вниз. Мисаки издала сдавленный звук, но послушно заглотнула глубже.

Тем временем краем глаза Обито заметил фотографию отца.

Этот холодный взгляд будто оценивал происходящее, и в душе Обито вдруг всколыхнулось чувство злорадства.

Ему захотелось ещё больше утвердить своё положение, окончательно разрушить образ отца в глазах матери.

— Мама, посмотри туда. — Вдруг сказал Обито. — Папа смотрит на нас!

От этих слов Мисаки вздрогнула и рефлекторно подняла голову, чтобы убедиться. Обито, воспользовавшись моментом, нажал ей на голову и, рванув бёдрами, глубоко вогнал свой член в материнское горло.

— М-м... м-м... — Мисаки, задыхаясь, попыталась вырваться, но сын крепко держал её.

Обито смотрел, как его огромный член полностью исчезает во рту матери, оставляя лишь её пухлые губы, целующие его основание.

Чувство завоевания захлестнуло его, и он невольно представил, как однажды полностью

завладеет каждой женщиной отца.

Мисаки от удущья при глубоком заглатывании слёзы выступили на глазах. Она похлопала сына по ноге, давая знак, что больше не выдержит.

Обито лишь тогда неохотно ослабил хватку и медленно вытащил покрытый слюной член.

— Кхм-кхм...

Мисаки закашлялась, слюна смешалась с предсеменной жидкостью, стекая по уголку рта. Обито, чувствуя вину за жалкий вид матери, мягко погладил её по спине.

— Мам, ты в порядке? — С тревогой спросил Обито. — Это я виноват, не рассчитал силу.

Мисаки махнула рукой, давая понять, что всё в порядке. Вытерев жидкость с губ, она решила дать сыну больше. Она приподняла одну ногу Обито, полностью открыв его нижнюю часть тела.

— Обито, сейчас может быть немного непривычно... — Сказав это, Мисаки опустила голову к паху сына и начала лизать два маленьких круглых мешочка.

— Ах... ма... мама... — Обито судорожно вздохнул, все поры его тела раскрылись.

Тёплый влажный язык Мисаки скользил по его чувствительным яичкам, время от времени засасывая их в рот.

Слушая сладострастные стоны сына, Мисаки с ещё большим усердием ублажала эти полные жизни органы. Она отчётливо чувствовала, как под лаской языка они набухают и твердеют.

Обито прищурился, его мозг полностью утонул в этом небывалом наслаждении. Его рука, сама того не замечая, уже вцепилась в длинные волосы Мисаки, направляя её движения, как хозяин.

Вдруг Обито почувствовал, как что-то мягкое коснулось его ануса. Он резко открыл глаза и увидел, что Мисаки, приподняв глаза, невинно смотрит на него.

— Обито, здесь неприятно? — Мисаки кончиком языка слегка тыкала в анус сына, в голосе её звучал соблазн.

Обито полностью потерял способность мыслить, лишь повинуясь инстинкту ответил:

— Н-нет... не неприятно... с-странно... но тоже приятно...

Мисаки довольно улыбнулась и продолжила языком исследовать задний проход сына. Её язык проникал внутрь, имитируя половой акт, двигаясь взад-вперёд. Обито, стимулируемый этим, выгнул спину дугой, издавая глухие рыки.

Глядя на Мисаки, самозабвенно ему прислуживающую, самолюбие Обито было чрезвычайно удовлетворено. Он протянул руку и погладил гладкую спину матери, затем, скользя вдоль позвоночника, остановился на двух упругих ягодицах.

— Обито... что ты делаешь... — Почувствовав его движение, Мисаки остановилась и обернулась.

Обито не ответил, лишь усилил нажим. Он притянул мать к себе и, взяв её лицо в ладони, сказал:

— Мама, я хочу поцеловаться. — И поцеловал Мисаки в губы.

Мисаки не успела отказаться, как ловкий язык сына уже проник в её рот.

Тем временем руки Обито не бездействовали: два пальца скользнули между ног матери, ощущая её уже давно переполненную влажную пещеру.

— М-м... м-м... — Мисаки, зацелованная до головокружения, могла лишь бессильно обмякнуть в объятиях сына.

Её язык пассивно отвечал на сплетение с языком Обито, нижняя часть тела слегка извивалась, пытаясь получить больше удовольствия.

Обито, возбуждённый реакцией матери, начал быстро двигать пальцами в её скользком цветочном саду, имитируя движения полового члена. В то же время его язык неустанно преследовал материнский маленький язычок, всасывая её слюну в свой рот.

Под двойным воздействием Мисаки быстро достигла оргазма. Её тело сильно дрожало, и из лона вырвался поток горячей жидкости.

Обито почувствовал липкое прикосновение между пальцами и понял, что мать кончила.

— Мама... я тоже сейчас... — Тяжело дыша, Обито отпустил губы Мисаки и начал быстро надрачивать свой член.

Мисаки ещё не отошла от послеоргазменной неги, как сын перевернул её на живот.

— Открой рот, мама. — Скомандовал Обито. — Я хочу кончить тебе в рот.

Мисаки с трудом приподнялась и бросила на сына сердитый взгляд.

Тут же Обито почувствовал сильный толчок от головки. Густая белая жидкость вырвалась струёй за струёй, вся попав в маленький ротик Мисаки.

— Ах... кончаю... мама... — Задыхаясь, Обито продолжал, пока последняя капля спермы не перетекла в рот Мисаки, и лишь тогда остановился.

Маленький ротик Мисаки был полон, излишки спермы вытекали из уголков губ. Она сердито посмотрела на сына и недовольно сказала:

— Обито, ты слишком шаловлив! Как можно было кончать прямо мне в рот!

Обито всё ещё переживал послеоргазменное томление и не слышал слов матери.

Он опустил взгляд на полную грудь Мисаки.

Эти округлые шары всё ещё стояли торчком, а нежно-розовые соски после недавней стимуляции стали ещё более торчащими.

— Мама... я ещё хочу... — Сказал Обито и высунул язык, начиная лизать один из сосков.

Рот Мисаки всё ещё был забит спермой, и она могла лишь мычать в знак протеста.

Её тело после недавнего оргазма стало необычайно чувствительным, и прикосновение шершавого языка сына к соскам заставляло её дрожать всем телом.

Обито самозабвенно сосал материнские соски, словно больной, движимый жадностью.

Он по очереди уделял внимание обеим тучным грудям: то посасывая, то покусывая, то водя языком вокруг ареол.

Мисаки, убажаемая им, чувствовала невероятное блаженство. Она ещё не успела проглотить сперму, а её стоны уже наполнили всю комнату.

— Обито... полегче... ты слишком сильно... — Мисаки, с трудом выплюнув сперму, прерывисто заговорила. — Мамина грудь ещё очень чувствительна...

Обито, не обращая внимания, целиком погрузился в своё удовольствие.

Будто открыв новый материк, он начал выделять новое молоко. Ощущение языка, скользящего по соскам, и психологическое удовлетворение от счастливых криков матери были для него непреодолимы.

<http://erolate.org/book/1290/164990>